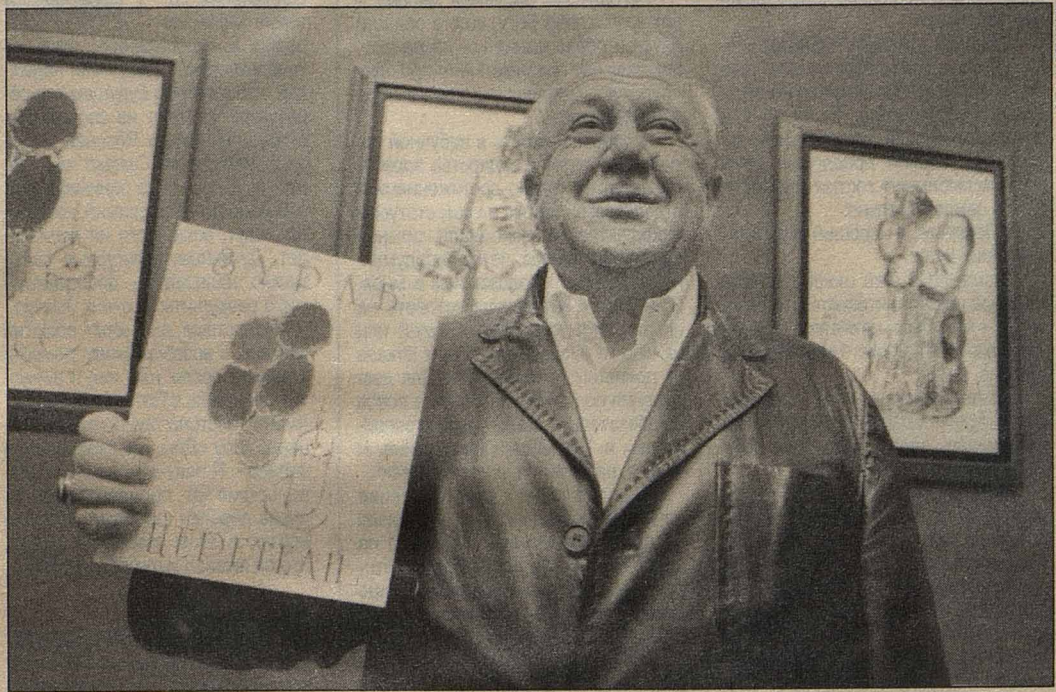

Скромное обаяние Зураба Церетели

Таким предстал монументалист в галерее «Дом Нащокина»

*Общая газета. —
2002. — 21 марта.
— с. 10*

Сергей ЗОНИЧЕВ

Всё когда-нибудь происходит впервые, теперь, пожалуйста, графика.

Многогранность, вспыхнувшая в Церетели с тех незапамятных времен, когда он впервые обнаружил, что художнику позволительно ровно столько, сколько он сам себе позволит, хорошо всем известна. Его живопись и витражи, его бронзовые портреты, мозаики и, естественно, монументы, а также активная общественная деятельность всегда находилась в центре внимания. Церетели ругают, Церетели восхищаются, а он себе знает рисует. Я спросила у его внука, откуда дедушка выкроил время для графики, представленной на этой выставке, и он беззаботно ответил: «Да он постоянно рисует. По ночам. В самолете. На совещаниях».

Итак, графика, тайнопись души, линии жизни, штрихи событий, цветовые пятна эмоций и оценок — все тут за период 1998 — 2002 годов. Попробуем почитать эти признания художника, тем более мы уже знаем, как они создавались — импульсивно, следуя только эмоциям, без какого-либо намека на рацию, план и далее маску.

Все, что мы видим, — Грузия. Во-первых, глаза. Их ни с какими другими не перепутаешь. Но в отличие от прежних живописных работ Церетели эти глаза без вопросов и почти все без зрачков. Они скульптурны и потому слепы. Схематичны и примитивны.

Потом сосредотачиваешься на огромных ладонях и ступнях. Труд тяжкий или плебейство? А может, вырождение? Фигуры и лица грубые, позы — кособокие... Дворники и дворничихи с метлами, кругом бутылки, кружки, бокалы, обрывки газет, проигравшиеся картежники и голые, совершенно бесполое туловища. Люди-бутылки, люди-блики, мимолетные пятна. Самолеты пересекают государственные границы, меняются ландшафты, и человек с обезьянкой на плече отличается от нее только размером. Откровенное разочарование мрачным потоком стекает с этих картин.

Вот отец, он пытается прикрыть ладонями от глаз сына действительность, но поздно, мальчик все понял и беззвучно молится за них обоих. Восхождение на Голгофу, крест не сразу-то и разглядишь в хаотичной толпе. На лицах крупными буквами написаны скудоумие, любопытство и благодушие, и снова эти громадные ступни — не распнут, так затопчут. Но были за эти годы и светлые моменты, если не отказывало чувство юмора. Мощная старуха, неловко, ну уж — как умеет, обнимает двух курочек и петушка, она мечтательно и неестественно склонила голову, задулалась о нежности — такой загадочной и такой желанной.

В цветных графических работах чаще всего используются красная, синяя и желтая, реже зеленая

и черная краски. Персонажи обескуражены, растеряны, и позы их совсем не изящны. Огромная усталость от суеты, тщета и пустота, бессмысленная озабоченность. Нарочитая небрежность линий только подчеркивает карикатурность образов. Злости нет, но очень много разочарований.

Неужели все так грустно у Зураба Константиновича в той самой потайной области, где не властны никакие регалии, титулы, награды и амбиции? Первая выставка графики Церетели свидетельствует, что нежность, любовь и свет его жизни в эти четыре года составили только близкие люди: отец, длинноволосая женщина, словно символ плодородия — с мешком милых младенцев и сказок для них. Рядом летает синий ангел. И, кажется, тихонечко поет.

Что значит для художника, монументальные работы которого расставлены во многих странах мира, небольшая выставка в «Доме Нащокина»? Зачем ему, такому востребованному, понадобилось выставляться со своей интимной графикой на крошечном пространстве? По-моему, здесь не нужно искать никакой таинственной подоплеки. Впервые Зураб Церетели поступил как самый обыкновенный художник — просто представил свою работу на суд зрителей.

Ольга ЗВЯГИНА